

Ларионова Наталья Петровна

МОТИВ СВЕТА В РОМАНЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА "ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ"

Статья посвящена религиозно-философскому и символическому осмыслению понятия "Божественный свет" в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы". Проанализировав богослужбные источники, автор работы приходит к выводу, что архетипический образ света в тексте художественного произведения приобретает нетрадиционное значение: указывает на отдаленность человека от Бога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 126-129. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, овладение специальной иноязычной лексикой студентами-музыкантами является важным аспектом совершенствования лексической стороны их речи. При этом необходимо учитывать сложность музыкальной терминологии в целом и ее конкретных особенностей в родном и изучаемом языках в частности, поскольку она является неотъемлемой составной частью профессиональной культуры современного музыканта.

Список литературы

1. Колядко С. В. Проблемы отбора продуктивного лексического минимума для обучения иноязычному общению в неязыковом вузе // Языковое образование в вузе. СПб.: Каро, 2005. С. 113-136.
2. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
3. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А. А. Миролюбова. Обнинск: Титул, 2012. 464 с.
4. Поляков О. Г. Подготовка студентов-музыкантов к межкультурной коммуникации на занятиях по английскому языку как иностранному // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 73-75.
5. Поляков О. Г. Принципы профильно-ориентированного обучения английскому языку и факторы, способствующие их реализации // *Alma mater*: вестник высшей школы. 2004. № 3. С. 23-26.
6. Поляков О. Г. Проблемы обучения английскому языку студентов-музыкантов и хореографов в профессиональном контексте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 3. С. 81-85.
7. Поляков О. Г. Профильно-ориентированное обучение английскому языку и лингвистические факторы, влияющие на проектирование курса // Иностранные языки в школе. 2004. № 2. С. 6-11.
8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 400 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Изд-е 2-е, дораб. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 352 с.
10. Baker M. Sub-Technical Vocabulary and the ESP Teacher: an Analysis of Some Rhetorical Items in Medical Journal Articles // Reading in a Foreign Language. 1988. Vol. 4. P. 91-105.
11. Chung T. M., Nation P. Technical Vocabulary in Specialised Texts // Reading in a Foreign Language. 2003. Vol. 15/2. P. 103-116.
12. Dudley-Evans T., St John M. J. Developments in English for Specific Purposes. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 301 p.

**DIFFICULTIES OF TEACHING FOREIGN VOCABULARY FOR SPECIFIC PURPOSES
TO STUDENTS OF MUSICAL HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT**

Larionova Mariya Valer'evna

*Moscow City Teachers' Training University
maria-larionova@mail.ru*

The article is devoted to one of the most topical problems of teaching a foreign language to students-musicians in a professional context – the improvement of the lexical aspects of their speech through the acquisition of vocabulary for specific purposes. Cross-language and intralanguage difficulties of teaching vocabulary for specific purposes are considered, and the examples that illustrate them are given.

Key words and phrases: teaching foreign vocabulary for specific purposes; musical terminology; cross-language and intralanguage difficulties.

УДК 81-32

Филологические науки

Статья посвящена религиозно-философскому и символическому осмыслению понятия «Божественный свет» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Проанализировав богослужебные источники, автор работы приходит к выводу, что архетипический образ света в тексте художественного произведения приобретает нетрадиционное значение: указывает на отдаленность человека от Бога.

Ключевые слова и фразы: мотив; свет; божественный свет; тьма; пустота.

Ларионова Наталья Петровна

*Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
Larionovanatula@mail.ru*

МОТИВ СВЕТА В РОМАНЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»©

Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» с момента первой публикации в 1880 году и до сих пор характеризуется критиками и читателями как одно из самых мрачных произведений русской классической литературы. Говоря о мрачности, исследователи (А. С. Бушмин, Е. Г. Елина, В. Я. Кирпотин, С. А. Макашин, М. С. Ольминский) обращают внимание, прежде всего, на сюжет произведения, основу

которого составляет постепенная и ожидаемая гибель всех членов некогда многочисленного и всемогущего семейства помещиков Головлевых. В этом смысле понятие «мрачный» можно заменить синонимом «печальный, грустный, трагичный». Действительно, повествование о скорой гибели семьи – это жизненная драма, замеченная и рассказанная Щедриным как поучение-предостережение.

Роман назван мрачным еще и потому, что критики использовали этот эпитет по отношению к характеристике внутреннего мира героев. Мрачный здесь сродни угрюмый (Павел Владимирович Головлев), фатальный и пессимистичный (Степан Владимирович), лицемерный и ехидный (Порфирий Владимирович).

Однако совсем немного исследователей (А. П. Ауэр, И. П. Павлова, А. Н. Колесников, И. А. Есаулов) указывают на мрачность романа с точки зрения отсутствия в нем света как внешнего (солнечного), так и внутреннего (Божественного). Вполне традиционно образ света (огня) в контексте художественного произведения анализирует А. П. Ауэр, который возводит его до архетипического символа: «...символ огня – один из самых древних символов, воплощающих идею жизни», «...под огнем более разумеется жизнь, которая, впрочем, принимается за синоним духа и души» [1, с. 34].

Свет в сознании любого человека, продолжая мысль А. П. Ауэра, ассоциируется с Жизнью. Для христианина Жизнь есть Бог и постоянное стремление к Нему. Подтверждение этому мы находим в тексте Библии: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы (1 Ин. 1:5).

Таким образом, роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» можно попытаться оценить с точки зрения присутствия в нем образа Божественного света.

Изучению Божественного света посвящены работы Григория Богослова, Симеона Богослова и Григория Паламы, которые сходятся во мнении, что «Бог есть свет высочайший, недоступный, несказанный, ни умом не постигаемый, ни словом не изрекаемый, просвещающий всякую разумную природу. Он – то же в духовном мире, что солнце – в чувственном» [2, с. 185], указывая при этом, что есть «и другой свет, которым изгнана и пресечена первоначальная тьма: этот свет – первооснова видимого творения, а именно – циклическое вращение звезд и небесная стража, освещающая весь мир» [Там же, с. 186].

В романе образ света имеет смысл рассматривать в двух ипостасях, которые также определяются в богословских суждениях Григория Паламы как чувственный свет солнца и мысленный свет Божественной любви (Благодать).

Образ солнца как часть пейзажа присутствует в романе чисто номинально. Салтыков-Щедрин упоминает о нем лишь только для того, чтобы обозначить часть суток, когда разворачиваются основные события. «Время стоит еще раннее, шестой час в начале; золотистый утренний туман вьется над проселком, едва пропуская лучи только что показавшегося на горизонте солнца...» [3, с. 29]. Именно таким, едва показавшимся, солнечный свет и будет существовать на протяжении всего повествования о выморочном семействе.

Солнечный свет не является для Головлевых источником жизни и радости. Он причиняет даже не страдания, а истинные мучения. Они связаны с невозможностью переносить яркий солнечный свет из-за нестерпимой жары, которую он порождает, и удушливых запахов. «Жаркий июльский полдень... Жар так и окатывает сверху горячей волной; земля, покрытая коротенькой травой, пылает; нестерпимый свет... задернул окрестность. Всякие запахи, начиная с благоуханий цветущих лип и кончая миазмами скотного двора, густою массой стоят в воздухе» [Там же, с. 56]. От подобного рода страданий герои непутевого семейства прячутся за плотными шторами. Так, на антресолях, где доживал последние месяцы Павел Владимирович, «царствовали сумерки; окна занавешены были зелеными шторами, сквозь которые чуть-чуть пробивался свет» [Там же, с. 72]. Нет света и в конторке Степана Владимировича, и в Погорелке, где умирает некогда властная помещица Арина Петровна. Во всем огромном имении царят сумерки. «Дневной свет сквозь опущенные гардины лился скупо, и так как в углу, перед образом, теплилась лампадка, то сумерки, наполнявшие комнату, казались еще темнее и гуще» [Там же, с. 80]. Вновь обращаясь к христианскому пониманию образа Света как проявлению и единственно возможному существованию Бога, становится возможным предположить, что внешне набожные Головлевы прячутся от Него, то есть живут вне Бога.

В этом смысле интересно проследить, какие эмоции испытывают герои, соприкасаясь со светом, источником которого выступает солнце, свеча или лампада. Степан, оказавшись на вынужденном содержании у матери, уже через несколько месяцев прозябания в черной и прокуренной комнатенке признавался, что «даже свет свечей, зажженных в конторе, и тот опостылел ему; и он затворялся в своей комнате, чтобы остаться один на один с темнотою... Утром он просыпался со светом, и вместе с ним просыпались: тоска, отвращение, ненависть. Ненависть без протеста, ничем не обусловленная, ненависть к чему-то неопределенному, не имеющему образа» [Там же, с. 49-50]. Безусловно, Степан испытывал ненависть ко всему живому и вообще к жизни. Не случайно он думал о самоубийстве, но малодушие помешало ему наложить на себя руки.

Аннинька, вернувшаяся в Головлево после смерти сестры, находила для себя успокоение в том, что «любила следить, как постепенно потухают мерцания серого зимнего дня, как меркнет окрестность и комнаты наполняются тенями и как потом весь дом окунется в непроницаемую мглу. Она чувствовала себя легче среди этого мрака и поэтому почти никогда не зажигала свечей» [Там же, с. 271].

Подобного рода существование Салтыков-Щедрин охарактеризовал как жизнь в полусвете. Мыслями Головлевы стремились к жизни, но поступками неосознанно рвали к ее завершению.

В Библии, религиозных текстах трех Богословов (Иоанна, Симеона и Григория) и работах Григория Паламы есть рассуждение о том, что истинный Божественный Нетварный свет не может увидеть обычный человек, т.к. Он не является чувственным порождением. Преображение Христа на горе Фавор и его явление пред

учениками в Божественном образе Света стало возможным только потому, что Те были готовы воспринять Его. Сомневающийся человек, относящийся к вере без внутреннего трепета, не способен соприкоснуться с таким проявлением Божественной энергии, поэтому, увидев или ощутив ее внезапно, может тяжело заболеть и умереть.

Головлевые, для которых вера в Бога всегда была частью театрализованного представления (достаточно вспомнить молитвенное стояние Порфирия Владимировича и архиерейское служение Арины Петровны), безусловно, не могли воспринимать свет в этом его понимании. Щедрин говорит о своем герое, Иудушке, что тот «молился не потому, что любил бога и надеялся посредством молитвы войти в общение с ним, а потому, что боялся черта и надеялся, что бог избавит его от лукавого» [Там же, с. 134]. Вероятно, именно поэтому все Головлевые очень боялись света, подсознательно ощущая его мощь.

Образ света в романе имеет резко отрицательную коннотацию. Если Нетварный Божественный Свет создал жизнь, отделив ее от мрака и праха, то в романе «Господа Головлевые» свет представляется совершенно иным: это беспредельная светящаяся пустота, зловеще-лучезарная, пространство, наполненное фосфорическим блеском [Там же, с. 50-51]. Степан ощущает его как «безрассветную мглу, в которой нет места не только действительности, но и фантазии» [Там же, с. 54].

Это пространство время от времени освещается свечами или лампадами. «Огонь горящих... свечей и лампад служит для нас образом огня духовного – Духа Святого, сошедшего в огненных языках на апостолов, попадающего греховные наши скверны, просвещающего умы и сердца наши, воспламеняющего души наши пламенем любви к Богу и друг к другу» (св. прав. Иоанн Кронштадтский). Умиление, сострадание, благоговение и тихую радость надлежит испытывать человеку, стоящему у лампадки. Это не просто огонек. Это тот лучик света, надежды, который благодарный или нуждающийся в помощи человек благоговейно зажигает перед ликом святого в ожидании чуда. Свет свечи или лампы дарит каждому христианину уверенность в том, что он не одинок и с ним везде беспрестанно находится Тот, кто не даст свершиться беззаконию, защитит и поддержит.

Однако элементы религиозной обрядности приобретают в романе не вполне традиционное значение. «Лампадка горит перед образом и светом своим сообщает предметам какой-то обманчивый характер, точно это не предметы, а только очертания предметов. Рядом с этим сомнительным светом является другой, выходящий из растровенной двери соседней комнаты, где перед киотом зажжено четыре или пять лампад. Этот свет желтым четырехугольником лег на полу, словно врзался в мрак спальни, не сливаясь с ним. Всюду тени, колеблющиеся, беззвучно движущиеся» [Там же, с. 104]. Лампадный огонь здесь не дарит человеку успокоения. Он устрашает. Лучи лампы не освещают образа, а *ударяют* их. И, может быть, поэтому догорают, распространяя чад и потрескивая.

При огромном количестве лампад Головлевые испытывают безотчетное чувство страха от призраков, порождаемых светом. Им видятся тени родных, которые были замучены при жизни и умерли от умеренности, а точнее от беспризорности и должного внимания. Это своего рода напоминание о греховности жизни, которое должно рано или поздно разбудить совесть и привести к раскаянию.

Светящаяся пустота, в которой пребывают герои романа, проникает и в их души. Арина Петровна, делясь с Иудушкой идеями о распределении наследства между братьями, замечает его «ослабляющееся, слюнявое лицо, все словно маслом подернутое, все проникнутое каким-то плотоядным внутренним сиянием» [Там же, с. 62]. Вспоминая, как мать характеризовала сына в детстве, отмечаем, что у Порфирия Владимировича взгляд выражает не то яд, не то сыновнюю почтительность, отмечаем, что ничего не изменилось. Холодность сердца в юношеские годы не растаяла, а, наоборот, лишь затвердела и, подобно глыбе льда, обдаёт близких ему людей мертвенным холодом.

Свет, которого так старательно избегают Головлевые, вводит их в заблуждение, создает иллюзии, приводящие к скорой гибели. Арина Петровна, поселившись в Погорелке, заскучала без внуков. «Днем ей по целым часам приходилось ни с кем не вымолвить слова, и во время этого невольного молчания само собой приходило на ум: вот, в Головлеве – тамлюдно, там есть, с кем душу отвести! Словом сказать, ежеминутно припоминалось Головлево, и, по мере этих припоминаний, оно делалось чем-то вроде светозарного пункта, в котором сосредоточивалось *хорошее житье*» [Там же, с. 106]. Понимая разумом, что ни о каком счастливом житье рядом с Иудушкой мечтать не приходится, Арина Петровна тем не менее, как зачарованная, рвалась в его имение. В этом смысле свет от Головлево напоминает то пламя свечи, вокруг которого постоянно вьются насекомые, не имея возможности улететь и спастись от губительного жара.

Вместе с тем свет в романе выполняет еще одну функцию. Кроме пугающего, он для некоторых героев становится если не спасительным, то просветляющим, направляющим к Истине. Размышляя об итогах своей жизни, Арина Петровна задалась вопросом: «Господи! Да неужто ж и у всех так!.. Она сидела, опершись головой на руку и обратив обмоченное слезами лицо навстречу поднимающемуся солнцу, как будто говорила ему: *видь!!* Она не стонала и не кляла, а только потихоньку всхлипывала, словно захлебывалась слезами. И в то же время на душе у ней так и горело: – Нет никого! нет никого! нет! нет! нет!» [Там же, с. 71-72]. Безусловно, в ее словах нет раскаяния и прозрения. Но сомнение уже закралось в душу некогда сильной и властной женщины, сомнение в том, что вся ее жизнь была подчинена погоне за благоприобретением во имя семьи, которой, как оказалось, никогда и не было. Позже, за поминальным обедом, когда Иудушка в свойственной ему витиеватой манере рассказывал о любви к Павлу, Арина Петровна вновь ощутила свет, который «пролился у нее перед глазами, и вся эта комедия, к повторению которой она привыкла с малолетства, в которой сама всегда участвовала, вдруг показалась ей совсем новой, невиданной» [Там же, с. 93]. Однако попытка при свете разобраться в собственных поступках ни к чему не привела. Арина Петровна просто замкнулась в себе и скоропостижно умерла.

Большой шанс был предоставлен Анниньке, которая еще с детства *предчувствовала лучи*, которые выведут ее из мрака жизни с бабушкой. Не разобравшись, девушка решила, что это огни сцены, поэтому посвятила себя актерской карьере, самозабвенно отдаваясь и театру, и его закулисным интригам. Лишь однажды тот самый свет из детства вновь обожжет ее прикосновением. «Луч света ворвался в существование Анниньки. А именно, трагик Милославский 10-й прислал из Самоварнова письмо, в котором настоятельно предлагал ей руку и сердце» [Там же, с. 268]. Но Аннинька, как и ранее Арина Петровна, не усмотрела в этом луче света возможность изменить свою жизнь. Отбросив сомнения, она не бросила театр и вскоре потеряла сестру и здоровье.

По приезде в Головлево, этот луч преобразовался в *маленькую светящуюся точку во мгле будущего*. Именно так охарактеризовал его для себя Порфирий Владимирович, слушая еженощно рассказ о Любинькиной смерти. Идея саморазрушения, к которой в разное время и разными путями приходили все члены головлевского семейства, всегда была освещена. Вспомним хотя бы фосфор, которым отравилась Любинька. Но это не свет жизни, идущий от божества, а скорее наоборот: свет, от божества отделяющий и во мрак повергающий. «Теперь ничего не предчувствовалось, ничего не предвиделось: ночь, вечная, бессменная ночь – и ничего больше» [Там же, с. 283].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что мотив света в романе «Господа Головлевы» перерастает в архетипический символ Света как Божественного проявления жизни, духовной (нравственной) и физической (телесной), и приобретает функцию характеристики героев произведения через отношение к Нему.

Список литературы

1. Ауэр А. П., Борисов Ю. Н. Поэтика символических и музыкальных образов М. Е. Салтыкова-Щедрина / под ред. Т. М. Акимовой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 112 с.
2. Жизнь и учение св. Григория Богослова: монография / иеромонах Иларион (Алфеев); с предисл. митрополита Сурожского Антония. М.: Крутиц. Патриаршее подворье, 1998. 271 с.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 13. 815 с.

MOTIVE OF LIGHT IN M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S NOVEL "THE GOLOVLYOV FAMILY"

Larionova Natal'ya Petrovna

Kursk Institute of Cooperation (Branch) of Belgorod University of Cooperation, Economy and Law

Larionovanatula@mail.ru

The article is devoted to the religious-philosophical and symbolic comprehension of the notion –“divine light” in M. E. Saltykov-Shchedrin's novel –“The Golovlyov Family”. After analyzing liturgical sources, the author of the work comes to the conclusion that the archetypal image of the light in the text of a fiction work takes on an unconventional meaning: it indicates the remoteness of a man from God.

Key words and phrases: motive; light; divine light; darkness; emptiness.

УДК 811.111

Филологические науки

Статья посвящена раскрытию вопросов по существующим классификациям выразительных средств языка и стилистических приемов (выразительных и изобразительных средств языка). Представляется краткий экскурс в историю возникновения различных классификаций. Автор предлагает определения к стилистическим языковым средствам и их примеры для быстрого воспроизведения в памяти сути каждого из перечисленных в статье приемов. Выдвигается тезис о необходимости комплексного изучения этого вопроса при лингвостилистических исследованиях.

Ключевые слова и фразы: стилистическая семасиология; тематические стилистические средства; традиционно обозначающее; ситуативно обозначающее; тропы; ритм; типы речи.

Линтвар Ольга Николаевна

Национальный авиационный университет (г. Киев, Украина)

cherurni@bigmir.net

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИЯХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ©

Несмотря на существующее мнение о том, что риторика – наука устаревшая, именно в ней мы впервые находим терминологию, которой оперирует современная стилистика. Риторика – это первоисточник информации о метафоре, метонимии, эпитете, антитезе, хиазме, анафоре и о многих других широко используемых терминах тропов и фигур речи. Поэтому прежде чем рассматривать новые стилистические теории и открытия,